

# **Садко Сытинич и Василий Буслаевич**

*Основано на издании 1889 г*

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

[gusi-lebedi.org/content/sadko\\_sytnich\\_i\\_vasiliy\\_buslaevich/](http://gusi-lebedi.org/content/sadko_sytnich_i_vasiliy_buslaevich/)

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда [gusi-lebedi.org](http://gusi-lebedi.org)

## **Садко Сытинич и Василий Буслаевич**

Далеко на севере от стольного Киева, там, где князь Владимир Красное Солнышко жил-поживал да с Ильёй Муромцем и Добрыней Никитичем в своих палатах пировал, стоял богатый торговый город Великий Новгород. Протекала через тот город быстрая река Волхов, что начало своё из озера Ильменя брала, и делила она Великий Новгород пополам. На одном берегу возвышался древний собор Святой Софии, на другом торговая площадь раскинулась, а меж ними широкий мост протянулся. Свозили купцы к торговым рядам товары со всех концов земли святорусской да из стран заморских. Всё, что хочешь, на той площади купить можно было: от пушнины архангельской до парчи турецкой, от янтаря балтийского до шёлка китайского.

На Софийской стороне около церкви соборной жили сплошь да рядом бояре и особы вельможные, а на другой стороне богатые купцы да мелкие торговцы селились. Вот и Садко Сытинич себе роскошный дом на резных столбах с позолоченным крыльцом у торговой площади выстроил. Посылал он корабли свои за море целыми десятками да привозил из чужеземных стран

товары на многие тысячи. Богател купец год от года, накопил он в своих сундуках золота да серебра без счёта. А уж как любил Садко своим богатством похвальнось! Говорил, будто нет ему во всей Руси-матушке толстосума равного. И был у того купца закадычный друг – боярин Буслай Михайлович, старец умный, бывалый да опытный. Говорил Буслай не единожды:

— Ты зачем, Садко, сильно хвалишься? На кой лад, скажи, величаешься? За бахвальство своё ты поплачешься!

— Отчего ж не хвалиться, старый друг мой, Буслай? – отвечал каждый раз приятель-купец. – Я же знаю, что нет во всём Новгороде человека богаче меня. А уж если такой и объявится, то куплю я его со всеми потрохами: и с товаром любимым, и с пожитками.

— Говорю тебе: не хвались почём зря! Не тобой богатство то нажито, а дано тебе Божьей милостью. Не понравится Господу твоя похвальба, он наслёт на тебя нищету-голодьбу.

— Так за что же мне те напасти грозят? Это чем же я провинился-то? Нажил деньги свои честным торгом-трудом да живу теперь в удовольствие. Никому не мешаю я, не завидую, помогаю церквам да налоги плачу.

Похвалиться и правда люблю, но так есть ведь чем мне похвастаться! Захочу и куплю я товары все, что хранятся в Великом Новгороде!

— Нет, не купишь, напрасно бахвалишься!

— Уж куплю!

— Нет, не выйдет, зря опозоришься!

И забились друзья тогда об заклад. Вот надел Садко шубу бархатную, тёмным соболем подбитую, натянул шапку бобровую, парчой отороченную, обул сапоги сафьяновые, золотом расшитые, да пошёл по торговым рядам с громким кличем:

— Гой вы, добрые молодцы, купцы новгородские! Пospорил я с другом своим Буслаем Михайловичем, что в три дня все товары повыкуплю. Привозите-ка завтра на торг ко мне всё, что на складах своих имеете, заплачу я вам щедро серебром да золотом.

Послушались купцы, привезли товаров видимо-невидимо. Расплатился Садко Сытинич десятью сундуками золотых да серебряных монет и спрашивает:

— Ну что, купцы новгородские? Всё я скупил у вас? Ничего в закромах не осталось?

— Нет, уважаемый, есть товар ещё нераспроданный.

— Привозите на торг!

На следующий день снова заполнились ряды. Расплатился Садко Сытинич тремя телегами серебра да золота и снова спрашивает:

— А теперь опустели ваши склады? Вся я скупил, аль осталось чего?

— Нет, уважаемый, кое-что ещё в запасе имеется.

— Привозите на торг!

Вот настал третий день, и ряды снова ломаются. Привёз Садко пять возов с серебром и золотом, да не хватило денег его, чтобы всё скупить. Проиграл он заклад Буслаю Михайловичу, пошёл к боярину с повинною.

— Прав ты был, мудрый друг, Буслай, – говорит Садко, опустив глаза. – Хоть богатый я, как заморский принц, а господин Великий Новгород всё ж богаче меня оказался.

— Ну, раз так, выполняй, милый друг, теперь волю мою, – отвечает боярин с усмешкою. – Отправляйся за море простым корабельщиком под началом своего же приказчика. Поработай так, как простые люди трудятся, а я здесь за твоим добром присмотрю.

— Воля твоя, мудрый друг мой Буслай. Всё исполню, что ты захочешь.

— Стар уж я стал, вряд ли свидимся. Как вернёшься из странствий заморских, не оставь сынка моего Васеньку. Научи его уму-разуму так же, как я тебя сейчас научил.

Всё исполнил Садко, как Буслай велел: снарядил судно и поплыл на нём простым корабельщиком. Ничего он с собой не взял, кроме гуслей звончатых да позолоченной шашечницы. Ох, и знатным же он гусяром слыл! Бывает, как заиграет мелодию заунывную, все вокруг тут же в тоску впадут, расплачутся, начнут слёзы лить без счёту да без удержу. А как забренчит Садко музыку забавную, горькие слёзы у всех тут же высохнут, все смеются да потешаются, весёлыми звуками наслаждаются. А ноги-то сами в пляс идут да такие кренделя выделывают, что только диву даваться и остаётся.

Долго ли, коротко ли длилось то путешествие, только встал вдруг корабль посреди моря-океана и ни взад, ни вперёд.

— Что за чудеса? – удивляются корабельщики. – Мимо нас суда на всех парусах несутся, только наш засыл, словно вкопанный. Видно, есть среди нас такой человек, с которым Морскому царю больно уж по-

видаться хочется. Придётся нам того молодца в морскую пучину кинуть.

Но никак корабельщики договориться не могут, кого же к Морскому царю отправлять. Порешили они тогда жребий кидать: чья вещица быстрее других потонет, тому и в море нырять. А Садко-то ой как не хочется в пучину морскую прыгать! Пошёл он тогда на хитрость: все кинули в воду чурочки деревянные, а он пёрышко гусиное, невесомое. Только вот чудеса: чурочки плывут себе, словно лодочки, а пёрышко вмиг намокло да ко дну пошло. Говорит тогда Садко:

— Давайте по-другому придумаем: чья вещица не станет тонуть, тому и в море нырять.

Сделали все чурочки из серебра, а купец – из свинца тяжеленного. Только снова хитрость его не удалась: серебряные вещицы ко дну пошли, только свинцовая на водной глади себе плавает.

— Ну, чему быть, того не миновать! – вдохнул Садко Сытинич. Знать, Морской царь меня к себе требует. Отправляюсь я в подводное царство, не поминайте меня, друзья, лихом!

Посадили корабельщики купца на позолоченную шашечницу, дали в руки гусли звончатые да спустили

его на воду. И как только Садко судна покинул, тут же поплыл корабль, словно и не держал его никто. А купец всё глубже да глубже опускается. Вот добрался он до самого дна, встал на ноги да пошёл, словно посуху. Смотрит вокруг да диву даёт: стоят везде деревья незнакомые, растут кораллы рогатые да губки мохнатые, бегают меж ними пауки пузатые, бродят раки усатые. Шёл Садко, шёл, пока не добрался до хрустальных палат. Лежит в тех палатах Морской царь: голова у него моржовая, тело сомовое, руки-ноги гусиные, с перепонками. Как увидело купца то чудище, зарычало грозным голосом:

— Фу-фу-фу! Столько лет я о Садко слышу, наконец, он сам ко мне явился! Ну что, гость долгожданный, чем ты старика потешишь?

— Не знаю я, чем угодить хозяину дорогому! Не ведомо мне, что Морскому царю по нраву.

— Ну, а коли не знаешь, так ступай тогда камни таскать!

Три года Садко Сытинич по царскому приказу чернорабочим трудился. Наконец, позвал его к себе Морской царь, стал рычать зычным голосом:

— Ну что, купец, придумал, чем меня потешить?

— А хочешь, я в шашки тебя играть научу?

Согласилось чудище ту науку постичь, только сколько Садко не бился, так ничему путному Морской царь и не научился. Рассердился владыка да снова купца на чёрную работу прогнал. К исходу третьего года опять Морской царь гостя к себе позвал, к ответу призвал:

— Ну, теперь, купец, придумал, чем меня потешить?

— А хочешь, я тебе на гусях сыграю?

— Ну что ж, музыку я люблю, попробуй-ка мне угодить! Коли хорошую плясовую подберёшь, отдам за тебя замуж свою дочку-красавицу, да половину богатств со всего дна морского получишь. А если не по нраву мне та мелодия придётся, полетит твоя голова с плеч долой!

Сел тогда Садко на лавку, взял в руки гусли звончатые, стал перебором по струнам перстами умелыми напевы весёлые наигрывать. Видит: Морской царь прислушивается, глазами моргает, усами шевелит, ухмыляется. А затем и вовсе лицом прояснел, смотрит гоголем да посмеивается. Думает купец про себя:

— Погоди же ты, чудище, я тебя ещё не так встряхну!

Да как ударит он всей пятернёй по струнам звонким, как заиграет мелодию лихую, забубённую! Начал Морской царь тихонько ногами перебирать, на месте топтаться, потом побойчее в сторону двинулся да вдруг как заскакал, затопал, в ладоши захлопал. И откуда только прыть взялась: пустилось чудище неповоротливое в пляс, пошло кружить по палатам хрустальным, то привскакивая, то присвистывая. И чем больше Морской царь раздухаривался, тем сильнее вокруг него море темнело, тем выше волны поднимались. Стал Садко громче и громче играть, быстрее и быстрее перстами по струнам водить, тут уж чудище вприсядку пошло, начало крутиться да прыгать, словно заведённое. А наверху такая буря поднялась, такие ветры задули, что несладко корабельщикам пришлось. И подумал тогда Садко Сытинич:

— Это что же получается? Слушает мою игру Морской царь да гопака даёт, а от его пляски шторм поднимается, суда топят. Чудищу потеха весёлая, а людям горе горькое. Не стану я больше его развлекать, пусть лучше сам головой поплачусь, нежели другие из-за меня беды терпеть станут.

Тут ударил Садко по гуслим наотмашь, да так силь-

но, что струны звякнули и порвались. Тихо стало вокруг, как в могиле, а расплясавшийся Морской царь замер, словно вкопанный.

— Это что же ты творишь? – закричало чудище. – Только я в раж вошёл, а ты, неуч косолапый, струны рвать вздумал? Сейчас же гусли почини и сыграй мне ту же самую плясовую!

— Струны перебирать я мастак, – отвечает Садко Сытинич, – а вот чинить инструмент не обучен.

— Ах, вот ты как заговорил! Тогда убирайся из моего подводного царства, и чтобы духу твоего здесь не было!

Поднял Морской царь лапу перепончатую да такого пинка купцу отвесил, что вылетел гость из палат хрустальных словно пробка из бутылки и понёсся вихрем сквозь водные просторы. Мчался он так, мчался, пока не оказался на песчаном побережье. Очнулся Садко Сытинич, видит: вдали люди ходят, говор знакомый слышен да благовест колокольный по выси небесной разносится. Огляделся купец по сторонам и узнал Великий Новгород. Поднялся он на ноги да побрёл к родному дому знакомыми переулками. Идёт он, идёт, а люди на него дивятся, с дороги сторонятся, промеж со-

бой перешёптываются:

— Никак, это Садко Сытинич с того света вернулся!

Добрался купец до своего дома, вошёл в горницу, а приказчики, его заведев, чуть в оборок не попадали:

— Откуда это тебя, батюшка, Бог принёс? Ведь мы же сами тебя на позолоченную шашечницу сажали да в пучину морскую пускали!

Отвечает Садко с усмешкою:

— Видно, не прописано мне на роду утопленником быть, Господь на меня другие планы имеет.

Сбежались тут все соседи: смотрят на купца, никак надивиться не могут, головами покачивают, бороды поглаживают. Стал Садко Сытинич о своих приключениях рассказывать, увлекся, а потом вдруг замолк на полуслове да спрашивает:

— А что это я моего друга закадычного Буслая Михайловича средь вас не вижу? Али не рад он моему возвращению?

Склонили тут головы соседи да приказчики, глаза долу опустили и отвечают:

— Вот уж скоро три года минёт, как боярин наш преставился. Хоронили его всем Великим Новгородом, столько уж слёз пролили, что и вспоминать

горько. Да по сей день народ честной по нему тоскует, добрым словом поминает.

— Как три года? – удивился Садко Сытинич. – Я ведь всего неделю в отлучке был!

— Нет, соседушка нас уважаемый, целых шесть лет в родном городе ты отсутствовал. Мы уж и в живых-то тебя увидеть не чаяли.

Призадумался купец, никак в толк взять не может: как это так время для него остановилось, куда столько лет из его жизни канули? Вздыхнул он и говорит:

— Ох, как жаль мне друга моего любимого. Это ведь он заставил меня одуматься, не гордиться да не бахвалиться. Обещал я Буслаю Михайловичу сына его Васеньку уму-разуму научить, как меня когда-то отец его на путь истинный наставил. Где тот малец? Ведите меня к нему!

— Да не пацан он давно, а взрослый молодец, Василий Буслаевич, – отвечают Садко приказчики. – Только такой уж буян, какого на всей Руси-матушке не видывали. Мимо дома его лучше не ходить, чтобы беду на свою голову не накликивать.

— Неужто сын боярский душегубцем вырос?

— Да нет, не разбойник он, не преступник. Ва-

силиий Буслаевич – парень добрый, готов любому бедняку последнюю свою рубаху отдать. Только одарил его Бог на беду нашу силищей немереной, вон он ею и бахвалится, как ты когда-то богатством своим похвалялся. Ходит он по Великому Новгороду да силой своей со всеми меряется, на всех кулаки свои пробует. Чуть где драка – он одним из первым тут как тут, стенку на стенку ведёт, сам впереди идёт. Собрал он вокруг себя таких же буйных молодцев, и нет теперь мимо его двора ни конному проезда, ни пешему прохода. Шутит он со всеми шутки недобрые, народ его опасается.

Выслушал Садко те речи и пошёл один к дому боярскому. На подходе вдруг уткнулся купец в жердь, а на ней ярлык висит самописный: «Кто посмеет эту палку отодвинуть и напротив моего дома по улице пройти, тому придётся с Василием Буслаевичем силами померяться». Только Садко-то Сытинич не робкого десятка: отодвинул он жердь и направился напрямик к боярскому сыну во двор. Встретил его высокий, плечистый молодец. Сам-то здоров, а лицо бородкой едва опушается, кудри русые в кольца завиваются. Подскочил он к гостю незваному, рукава засучил, плечи распрямил, кулачищами в бока упёрся:

— А ну-ка, – говорит хозяин, – давай, дядя, силой померяемся!

— Поздно мне с тобой, Василий Буслаевич, кулаками махать, – отвечает купец. – У тебя лицо едва опускается, а у меня бородаща уж до пояса выросла. Я с тобой не драться пришёл, а уму-разуму учить по наказу отцовскому, по обету моему давешнему.

Как услышал боярский сын эти слова, сразу шапку снял, в пояс гостю своему поклонился:

— Верно, ты Садко Сытинич? Кто бы, кроме тебя, посмел меня уму-разуму учить, того бы я через забор прыгнуть заставил. А о тебе покойный батюшка мне не раз говаривал: будто обязательно ты ко мне придёшь, как из-за моря вернёшься, станешь со мной разговаривать, а я тебя слушаться во всём должен.

Позвал Василий купца в свои палаты, угостил, чем Бог послал. Отведал Садко хлеба-соли, начал разговор вести:

— Идёт о тебе, Васенька, славушка недобрая. Говорят люди, будто силой ты своей бахвалишься. Там, где драка какая, первый идёшь, стену на стену ведёшь. Будто подобрал ты шайку молодцев себе под стать, и нет мимо твоего двора прохода ни конному, ни пе-

шему. Шутишь ты со всеми шутки злые, и поэтому народ тебя опасается.

Смутился боярский сын и отвечает:

— Да ведь я никого не убил, не обидел. И беднякам от меня никогда отказа не было – не жалел на них богатства отцовского. А подраться, покуражиться, силу свою испробовать и правда люблю! Только не встречал я себе ни разу равного. Думаю, что никогда и не встречу уж. Да пусть хоть весь Великий Новгород на меня с кулаками пойдёт – побью их всех вместе со своей дружинешкой!

— Так и я размышлял в твоём возрасте: ты бахвалишься своей силою, а я богатством похвалялся, хотел все товары в городе за три дня скупить. Побился с отцом твоим об заклад, тогда и узнал, что богаче меня господин Великий Новгород.

— Вот видишь, Садко Сытинич: ты попробовал да узнал. Так и я не успокоюсь, пока сам на себе не почувствую, что Великий Новгород сильнее меня! А до той поры буду перед всеми силушкой своей хвастаться да на молодцев своих надеяться.

Только сказал хозяин эти слова, как вбежал в его палаты Костя Новоторженин, закричал зычным голосом:

— Ты что тут сидишь, Василий Буслаевич, прохлаждаешься? Али над собой невзгодушки не ведаешь? Завязалась на Волховском мосту драка великая! Бьют насмерть твоих молодцев мужики новгородские!

Как вскочил на резвые ноги боярский сын да как гаркнул на всю округу:

— Собирайтесь на мой двор молодцы удалые! Пойдём своих товарищей выручать, биться со всем Великим Новгородом!

Собрал он ватагу да пустился бегом по Волховскому мосту, даже с Садко Сытиничем не простился да шапку свою на лавке позабыл.

Зазвонил тут набат в Великом Новгороде, стали сбегаться к реке мужики со всего города. Кто покрепче да похрабрее, тот вперёд торопится. А кто поплоче да потрусливей, тот за чужие спины сторонится. Все кричат в один голос:

— Разбужился Васька Буслаевич со своей шайкой-лейкой! Не слушается он никого! Пойдём-ка уймём эту братию всем Великим Новгородом!

И закипела на Волховском мосту драка великая. Бьётся Буслаев сын со своими товарищами против молодцев со всего города. Вот уж сутки прошли, но не могут

их одолеть противники. Бьются молодцы с Василием во главе и второй день с утра до вечера, слабеют их си-лушки, редее дружинушка. А как третьи сутки насту-пили, полегла боярского сына братия на мосту вся до единого, и лишь те, что целы остались, сами в Волхов побросались. Победил драчливого Васеньку господин Великий Новгород, унял силу буйную, безудержную. Еле жив приплыл Василий Буслаевич на берег родной, ползком добрался до своих хором, упал на пороге, в го-лос рыдает, причитает, друзей своих в драке забитых поминает. Поднял его тогда Садко Сытинич под руки, положил на постель пуховую, стал раны лечить, уте-шать-уговаривать. Как окреп немного боярский сын, прошептал он губами разбитыми:

— Прав ты был, друг отца моего! Думал я, что силь-нее меня нет никого на всей земле русской, только по-бедил меня господин Великий Новгород.

Погладил его Садко по буйным кудрям и сказал в от-вет:

— Помни, дитяtko своенравное: и богатство моё, и сила твоя даны нам самим Господом. И не нам его да-рами величаться! Можем мы лишь служить ему, все-сильному.

— Прав ты, старший мой друг. Уж теперь-то тебя я послушаю. Ты как хочешь меня кори, на ум-разум наводи.

И стал его тогда купец вразумлять:

— У меня есть казна несметная, у тебя – сила немереная. Так давай же вместе сослужим родной земле службу великую, Богу угодную. Снаряжу я тридцать кораблей, а ты соберёшь команду из друзей своих оставшихся, станешь над ними начальником. И плывите вы по Волге-матушке до татарской земли, где злые мурзы держат русских пленников. Сокруши ты улусов, разори их город, освободи своих земляков да очисти Великому Новгороду дорогу торговую. А я тем временем церковь построю, а при ней широкий двор, чтобы каждый мог туда прийти – и голодный, и немощный. Всем будет на том церковном дворе приют, кусок хлеба да помощь.

Согласился Василий Буслаевич со своим наставником. Как оправился он от ран, стал дружину собирать храбрую. Каждого доброго молодца боярский сын испытывал: чтобы мог он копьём владеть, на коне сидеть, из лука стрелять да мечом рубать. Если все эти навыки у парня имеются, подводил его Василий Буслаевич к

столбу дубовому, насаживал на тот столб шлем железный да велел его пополам разрубить. Коли справлялся парень с той задачей, зачислял его боярский сын в свою дружину. Вот набрал боярский сын войско отборное, выдал всем доспехи ратные да оружие лучшее и отправился вместе с товарищами к реке.

А уж эскадру морскую Садко Сытинич снарядил всем на славу: оснастил тридцать кораблей якорями да парусами, посадил в них гребцов умелых, поставил кормщиков искусных. Выстроилась на берегу вся дружина, начал купец речь держать:

— Поезжайте, добрые молодцы, Богом хранимые, в сторону басурманскую, избавляйте людей православных из злой неволи, привозите их в Великий Новгород с чужедальной сторонушки. А ты, Васенька, помни завет отцовский да мой совет дружеский: не хвались никогда ни силой, ни храбростью, ни удалью. Если будет удача сопутствовать, воздавай хвалу и честь лишь одному Господу, в нём вся наша крепость и надежда! А коли про это забудешь, не сносить тебе головушки на плечах.

Собрался весь город провожать дружину в поход дальний. Пожелали новгородцы хребцам пути лёгко-

го да возвращения скорого. Поклонились добрые молодцы всему честному народу, попросили не поминать их лихом, помолились на собор Святой Софии и отправились в земли чужестранные. Долго они плыли: сначала из Волхва в Ильмень вышли, потом по реке Мсте до Тверицы, а уж оттуда и в Волгу-матушку попали. Нелёгкок был тот путь. По дороге корабли разбойничьи встречались, только всех их дружина Василия Буслаевича на дно пустила. Много лишений добрые молодцы претерпели: и от голода страдали, и от холода мучились. Наконец, добрались они до берега бусурманского, где злые мурзы в неволе православных пленников держали. Стала дружина с теми улусами биться не на жизнь, а на смерть. День за днём идёт, как трава растёт, неделя за неделей, месяц за месяцем спешит, торопится, год за годом уносится.... Больше тысячи дней та война продолжалась, и одержала дружина Василия Буслаевича победу, освободила пленников да очистила торговый путь к морю.

А Садко Сытинич тем временем выстроил церковь Божью, перед ней замостил двор широкий. И открыл он то подворье всем голодным да немощным, каждому страждущему дал приют, хлеб да помощь. Каждый

день купец на берег Волхова ходил, всех приезжих корабельщиков расспрашивал: не встречал ли кто Буслаева сына Васеньку, не слышал ли кто о его подвигах ратных. Только ото всех ответ один:

— Далеко мы на судах своих ходили, много чужих земель повидали, толь о сынке боярском ничего не слышали.

А Садко всё ходит и ходит к Волхову, без устали расспрос ведёт, всё доброго молодца из похода поджидает. И вот как-то всполошился весь Великий Новгород. Бегут к купцу приказчики верные, кричат ещё издали:

— Ступай скорее на берег, Садко Сытинич! Встречай Васеньку!

Выскочил купец из дома, в чём был. Позабыл он и шапочку на лавочке, и опоясочку на лежаночке. Бежит да видит: подплывают к пристани тридцать кораблей, спускают белые паруса, бросают тяжёлые якоря, кладут ковровые сходни. Вот сошли на берег добрые молодцы, свели пленников православных, снесли добычу несметную. Навалили на речной песок груды жемчуга да камней самоцветных, горы шёлка, атласа да бархата. Все с родными своими целуются, обнимаются, с

незнакомцами братаются. Горожане дружинникам радуются, угощают их разными лакомствами. Только не видит Садко своего любимого Васеньки. Стал он добрых молодцев расспрашивать, а они все словно воды в рот набрали, никто не хочет о начальнике своём рассказывать.

— Да что же это такое, братцы! – закричал на них купец грозным голосом. – Три года вы без малого на чужбине пробыли, столько добрых дел переделали, а не хотите поведать честному народу про атамана вашего? Не сойду я с этого места, не пущу вас по домам родным, пока вы о Васеньке всей правды не расскажете, не поведаете, где он, сокол, наш, лежать остался, где сложил свою буйную головушку? Ведь должны же мы добрым словом его помянуть, да в церкви за упокой раба Божьего помолиться!

Повесили тут добрые молодцы буйные головы, вышел вперёд их старший товарищ да говорит:

— Эх, Садко Сытинич, дорогой ты наш! Заставляешь нас слёзы лить на радостях, о горе тяжком вспоминать. Не исполнил Василий Буслаевич завета отцовского и за это погиб лютой смертью. Больше тысячи дней бились мы на чужой стороне с войском вражес-

ким, всяких напастей мы натерпелись. Но победа была за нами, освободили мы пленников православных, очистили дорогу торговую. И Васенька наш всегда впереди был. Вот отправились мы в родную сторону, проплывали по Волге-матушке мимо острова чудесного. Вышли на берег, чтобы отдохнуть, погулять да косточки размять. Видим, лежит у воды высокий камень, а на нём надпись: «Кто через этот валун перепрыгнет, тот погибель свою найдёт». Прочёл эти слова начальник наш удалой, стал бахвалиться: «Я ли камень тот не перепрыгну? Моей силой да храбростью сотни кораблей разбойничьих потоплены, тысячи воинов басурманских побиты. Так что же мне валуна какого-то страшиться?» Стали мы его отговаривать, за руки удерживать – да куда уж там! Как тряхнул Василий Буслаевич плечами могучими, так мы словно листья с дерева посыпались. Первый раз он через камень прыгнул – не допрыгнул. Второй раз с разбега сигануть попытался да ударился о тот валун своей буйной головушкой, упокоился на веки вечные.

Заплакал горько Садко Сытинич, да разве ж слезами горю поможешь? И богатство, и сила, и удача людям Богом дадены. И когда всего этого лишиться мож-

но – никому то неведомо.